

Моск. новости 2003 - 5 мая с. 19.

Людмила Максакова не пропускает ни одного заметного события в мире искусства. Она – автор проницательных портретов-эссе о тех, с кем ей приходилось работать (Петр Фоменко искренне полагает, что это – лучшее из того, что о нем было написано), и мужа молодых режиссеров, от Юрия Грымова, в фильме которого «Муму» она сыграла барыню, до Павла Сафонова, который в новой «Чайке» на вахтанговской сцене отдал ей роль Аркадиной.

С Людмилой МАКСАКОВОЙ беседует обозреватель «МН» Нина АГИШЕВА.

– Красивой артистке легче добиться успеха, чем некрасивой?

– Сначала надо решить, что такое красота. Ведь даже внешний тип идеальной женщины со временем в корне переменяется: красавицы эпохи Рафаэля или Рубенса сегодня вряд ли бы таковыми считались. Нынешний эталон – крашенная блондинка и очень много костей. Думаю, это тоже пройдет. Кроме того, иная красота выйдет на сцену – и покажется дурнушкой. Для Рубена Николаевича Симонина важна была порода – других женщин в театр при нем не брали. Их так и звали: «рубеновы звезды». Он говорил: «Выходит на сцену настоящий мужчина – и половина зала наша, выходит красавица – и вторую половину зала мы тоже завоевали, а что еще надо?» Вот это особое напряжение, которое возникает между мужчиной и женщиной, для вахтанговского театра всегда было исключительно важно, этаким его фирменный знак, что ли – может быть, это идет от «Принцессы Турандот». Все-таки принц Калаф не механизатор и не секретарь парткома, а принц. Нас всегда учили, что главное – целиком захватить зрителя, а этого можно добиться и внутренней энергией, и красотой, и еще многим. Что касается меня лично, то режиссеры по большей части старались придать мне уродство. Это начал Петр Наумович Фоменко.

– В «Пиковой даме», где вы сыграли старую графиню?

– Гораздо раньше – еще в кино, в фильме «Поездка на старом автомобиле». Мне там сделали перманент, и я играла женщину, которая на закате лет позволяла себе подумать о счастье – русские люди редко это себе позволяют, они в основном нацелены на свершения и страдания. Фоменко вообще не принимает красоты безо всего: это для него «ландрин». Поэтому все его актрисы со странностями, главное – в них должна просвечивать душа, а красоту он воспринимает как ширму, которая отвлекает и не дает раскрыться чему-то важному. Те, кто любит его театр, сразу поймут, что я имею в виду. У него женщины интересные, воздушные, легкие, неземные – какие угодно, но не красивые.

– Вам это интереснее как актрисе?

– Конечно, ведь для актера тоже главное – душа. Иначе лучше пойти в фотомодели.

– А с кем вам особенно хорошо работалось в театре?

– Об этом мало кто помнит, но и Фоменко, и Роман Виктюк по пятнадцать лет проработали в Театре Вахтангова. Виктюк не был тогда таким знаменитым, как сейчас, но поставил уже два совершенно разных спектакля, правда, не на нашей сцене, – «Царскую охоту» и «Уроки музыки», от которых я буквально сошла с ума. Он не был моим режиссером, и я не была его актрисой, оба это понимали, но он мне сказал: «У тебя же столько приятелей, салон, попроси кого-нибудь написать пьесу». Так появилась «Анна Каренина» Михаила Рождина. К сожалению, сейчас Виктюк со мной не работает. Вообще он виртуоз, блестяще знает любой театр, но в последнее время ему явно интереснее тот, где актер играет не главную роль.

– Вы единственная из московских артистов бываєте едва ли не на всех премьерах. Что запомнилось?

– Удивительный спектакль – «Ощущение бороды» режиссера Ольги Субботиной по пьесе Ксении Драгунской, который идет в Центре драматургии и режиссуры Алексея Казанцева. Там создана великолепная метафора всей нашей сегодняшней жизни. Если раньше мы говорили, что переживаем пир во время чумы, то теперь все мы герои фарса. В спектакле некто сидит на нефтяной трубе, куда-то там качает то, что принадлежит нам с вами, все говорят: «Вор, вор!» – но никто не говорит: «Лови его!» – а вовсе даже наоборот, думают: «Вот молодец!» А в «Сладкопелосой птице юности» Кирилла Серебренникова, о которой много говорят, мне кажется, все слишком увлеклись формальной стороной дела, я не понимаю, чему я должна там сопереживать.

– Довольно странная реакция со стороны актрисы, которая недавно сыграла гордничиху в более чем формальном «Ревизоре» Римаса Туминаса и собирается работать с Эймунтасом Някрошюсом над проектом фонда Станиславского – спектаклем «Вишневый сад» с русскими артистами. У вас там ключевая роль – Раневская.

– Я очень люблю Туминаса, но совершенно не понимала на репетициях, чего он хочет от меня: мне казалось, что со мной говорят на корейском или китайском языке, а я его еще не выучила. Безумно боюсь работать и с Някрошюсом – боюсь, что мне наденут концептуальное ведро на голову. Или поставят на кусок льда, и я заболею. Как-то я была на его «Дяде Ване» вместе со знаменитым врачом Станиславом

«Актер не прописан на какой-то одной сцене – он прописан везде. Но в вахтанговском живет моя душа, там ей есть чем дышать, и она иногда даже летает».

В Театре имени Вахтангова премьера чеховской «Чайки». Аркадину играет известная актриса

ЛЮДМИЛА МАКСАКОВА

Она не просто известная актриса, сыгравшая множество ролей в Театре Вахтангова и в кино, но и дочь знаменитой оперной певицы Марии Максаковой и мама молодой оперной артистки, тоже Марии Максаковой.

РУБЕНОВА ЗВЕЗДА

Долееким. Актерам там все время прямо на сцене ставили банки, и когда я спросила у него, как ему постановка, он ответил: «Не знаю, как с вашей, профессиональной точки зрения, но я смотрел и думал: «Пневмония! У актера завтра будет пневмония!» Концептуальная режиссура – великая режиссура. То, что Някрошюс – гений, что он видит и знает мир в особых красках, образах, как когда-то Параджанов, например, это не подлежит сомнению. Но актер у таких режиссеров часто всего лишь деталь огромной и прекрасной многофигурной композиции. И я очень волнуюсь – кем я буду: только краской, деталью или удастся хотя бы немного приблизиться к тому абсолютному совершенству, в том числе и актерскому, которое воплощают в его «Отелло» Эгле Шпокайте и Владас Багдонас.

Знаете, актер – как кошка. Можно, даже ничего ей не предлагая делать, все же позволить ей ходить, мяукать, и все увидят, что она ничего себе. А можно ее подвесить за хвост, и тогда она будет корчиться, вопить от боли – и все равно покорно произносить свой текст, потому что профессия предполагает послушание.

– А как вы ощущали себя, работая с Павлом Сафоновым над ролью Аркадиной?

– Этот режиссер обладает ценнейшим по нынешним временам качеством: он не дружит с пошлостью. Он очень образован, и у него какая-то хрупкая, хрустальная душа: о его «Месяце в деревне», поставленном в нашем училище, говорила вся Москва.

– Все знают, что академические, вкусившие некогда настоящей славы и успеха театры живут сейчас непросто. Вы никогда не изменяли вахтанговской сцене – какая там сейчас атмосфера?

– Актер не прописан на какой-то одной сцене – он прописан везде. Но в вахтанговском живет моя душа, там ей есть чем дышать, и она иногда даже летает.

– А в кино?

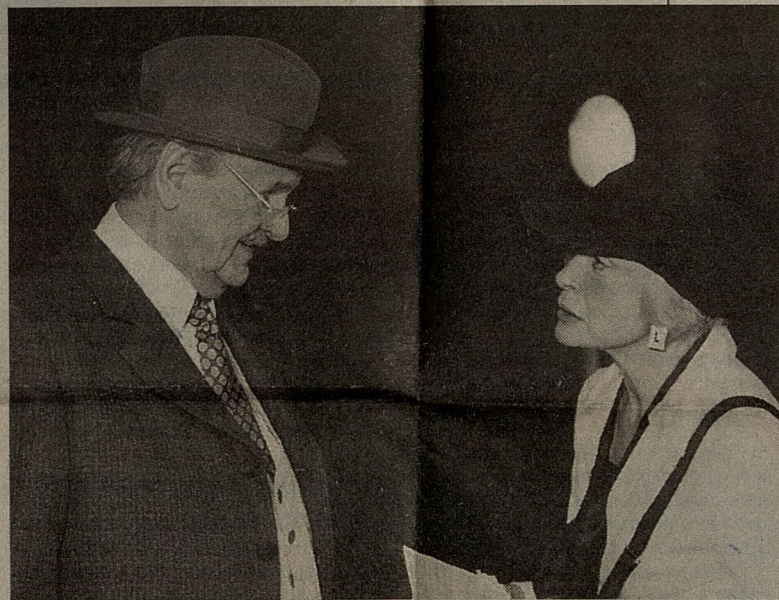
– Ну, там должен быть роман с целлулоидом. У некоторых он есть – как, например, у Иры Купченко. Пленка ее просто обожает.

– Неужели она не любила вас?

– Скорее, меня не любили режиссеры. В свое время мой друг Никита Михалков припечатал в «Кинопанораме»: «Это театральная актриса». Так же он вывел за рамки экрана и Петра Фоменко. Но, к моему счастью, кино развалилось – так что мне переживать нечего. Альмодовар меня вряд ли позовет сниматься, а об остальных не очень жалею.

– Что изменилось в театре в связи с тем, что так резко поменялась жизнь?

– Нельзя сравнивать вчера и

Людмила Максакова и Юрий Яковлев в «Чайке» Павла Сафонова

сегодня. Сегодня вообще не существует: оно буквально на глазах превращается в завтра. Мир состоит из наших мыслей – о совершенстве, о высшем разуме, как раньше говорили, о Боге. «Нас мало избранных, безумцев праздных, пренебрегающих презренной пользой...» – со времени Пушкина по сути ничего не изменилось. Мы несовершенны, а душа наша стремится к совершенству – это всегда было и будет темой искусства. Не мы выбрали свою профессию, а нас выбрали – зачем? Вот над этим стоит думать.

– В то же время есть люди, принадлежащие, кстати, вашему актерскому поколению, которых новая реальность просто выбросила за борт.

– Не согласна. Великий артист – он всегда великий артист, независимо ни от каких обстоятельств. Если вторая половина жизни не сложилась – значит, был какой-то изъян в первой, и ты сам виноват. Если не накоплено внутри, нечего сказать, то актера и не призовут.

– И ваши периоды творческого простоя тоже связаны с этим?

– Конечно. С моей незрелостью. А теперешняя занятость – с тем, что было много испытаний, что есть что сказать.

– И вы смогли бы так же жестко рассуждать по поводу своей дочери – молодой артистки Новой оперы?

– Своей дочери я не навязываю свои взгляды. Дети нас поймут только тогда, когда будут в нашем возрасте, – увя, это так. Когда я воспитывала дочь и сына, то прежде всего заботилась о режиме: если ребенок на пять минут позже, чем положено, выходил гулять, это было катастрофой. Ничего не запрещала, баловала, но заставляла учить языки, заниматься музыкой –

словом, загружала изо всех сил. Никакой театр не мешал мне быть сумасшедшей мамой: здоровье, время – я все отдавала им. Вот сейчас мы с вами разговариваем, потом я поеду на телевидение, но это не значит, что когда из школы придет мой внук Петя, я не узнаю все о его делах. И не надо оправдывать святым служением искусству то, что у тебя что-то не получается дома, – оно в этом не виновато. Между прочим, и меня мама воспитывала в строжайшем режиме. Даже на даче висло расписание: подъем, завтрак, купание и ежедневные занятия. Она постоянно твердила: «Трудиться, трудиться!» – и почти никогда не хвалила. Хотя я никогда не сравниваю свою и мамину жизнь – поколению мамы столько досталось: революция, гражданская война, тридцать седьмой год, и оба брата ее были убиты, и еще война, – что они все уже давно в раю.

– Вы производите впечатление человека, привыкшего побеждать и властвовать, но не прячется ли за этим особенная стеснительность и даже неуверенность в себе?

– Вы правы. На самом деле я никогда не была любимицей судьбы, и когда поступила в Щукинское – хотя для мамы существовал только МХАТ! – набила себе множество шишек. А сколько раз меня обманывали режиссеры! Три года я серьезно занималась психогенетикой (училась у известного американского ученого, у меня есть диплом), чтобы помочь самой себе избавиться от депрессий. Но профессия актера не предполагает одиночества, слабости, мы публичные люди, и нужна боевая раскраска, и нужно появляться на телеэкране, и еще многое, что, может, тебе от природы и не свойственно. Актер – это вообще не профессия, а способ жизни.